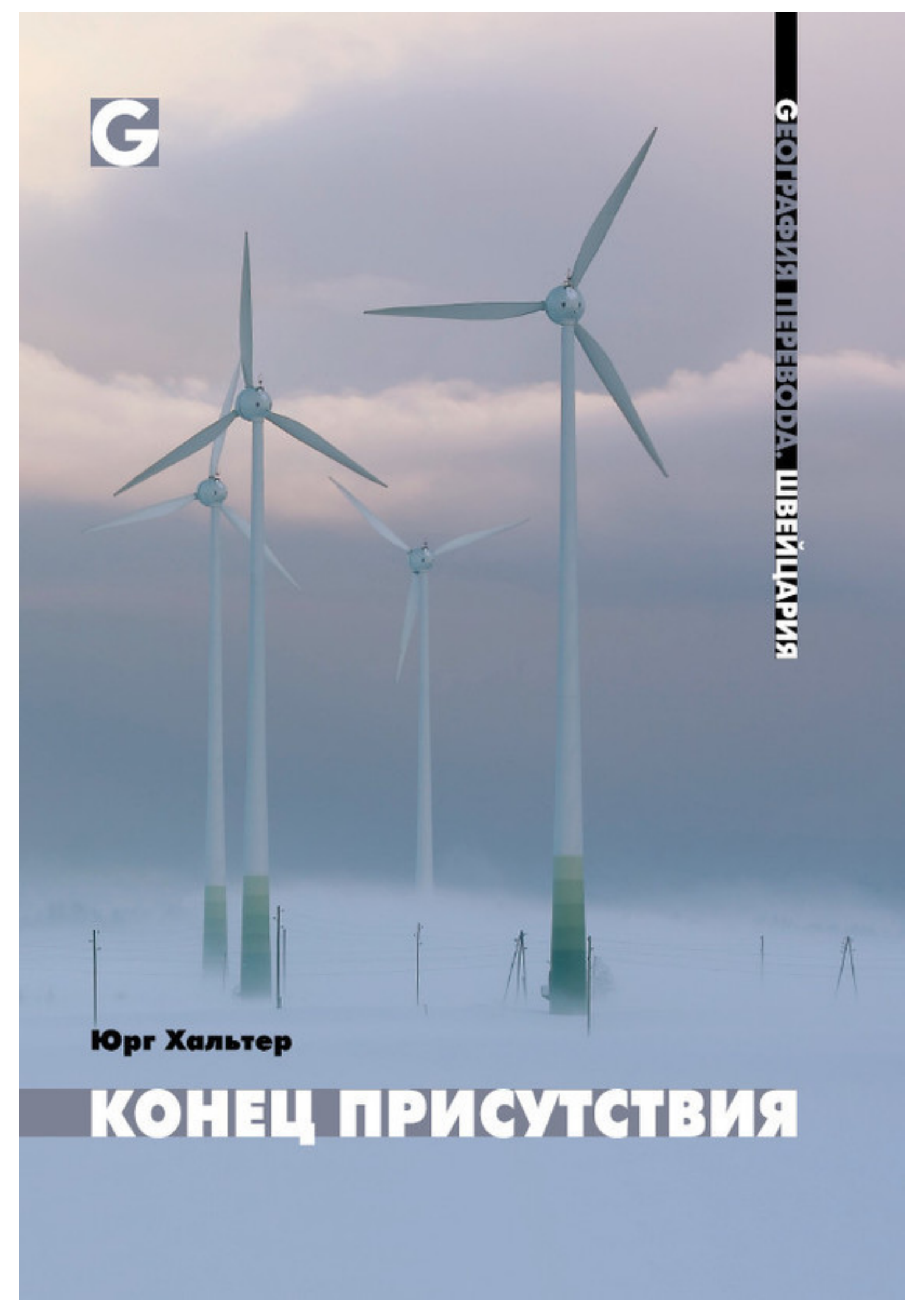

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. ШВЕЙЦАРИЯ

Юрг Хальтер

КОНЕЦ ПРИСУТСТВИЯ

Юрг Хальтер
Конец присутствия

ИП «Центр современной литературы»

Хальтер Ю.

Конец присутствия / Ю. Хальтер — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-109-6

Швейцарский поэт Юрг Хальтер (Jürg Halter, 1980) и в то же время Kutti MC. Философская лирика оборачивается любовной стороной дела, верлибр оборачивается рэпом, ирония – здравым смыслом. Это игра в превращения, необходимая для того, чтобы коснуться этого мира. Хальтер не только и не столько homo ludens (человек играющий); он – человек касающийся, осязающий и осязаемый: homo tangens. И, в то же время, мир этот таков, что простое касание уже вызывает боль... однако игра приходит на помощь. В конце концов, отсутствующее выражение на лице в качестве маски MC оборачивается концом отсутствия.

ISBN 978-5-91627-109-6

© Хальтер Ю.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Любимая песня	5
Сбывшееся	5
Я черная, бегущая к центру сознания точка	6
В неадекватных глазах павлина	8
Ex oriente lux	10
Мигают откуда-то издали	11
Я, листок	12
Ни одна книга не раскроется	13
Моя любимая песня	15
Высокие слова для природы	18
Коснулся этого мира	19
Лаванда, шалфей, как всегда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юрг Хальтер Конец присутствия

Любимая песня

Сбывшееся

С тех пор, как мы друг друга
поняли, сказать больше нечего.

Наши в замедленной
съемке рвущиеся сердца.

Я черная, бегущая к центру сознания точка

Я черная, бегущая к центру сознания одинокая
точка
я выжидаю в разумной пестроте этого мира
как в клетке

Я вытолкнут иссушенной, холодной землей
рожден под падающими темными звездами
и поднят наверх над сияющей мрачно Землею

Я, сгорбившись, сижу на полевом валуне
стрекот кузнечиков:
мортальное остроумие, однако –

Расставив руки, гляжу на солнце, будто самый
скорбный приемник его лучей
мое присутствие на земле это последняя спичка
в уголке рта
моего врага, действие
в мой голове: на перекрестке прижал
усталый фланер к обожженным щекам ладони и –

Ноги меня не держат, земля к коленям бежит

Как идут дела? – Я печален
и кругом миражи.
Я учусь умирать, не смиряясь
и не оскудевая, не предпринимая ни единого шага
и не стремясь
я тренирую себя, защищаю себя и предаю
//

Светлое в мгновение ока темнеет
опускается веко
продолжается деятельная суета за окоёмом

Там, наедине с бесконечностью, я капля
выплюнутая в мировой океан, и мне интересно:
«Что такое длина волна?»
– я колебался пару секунд, не дольше –
что было делать и кто будет виноват?

Стоп, сейчас я падаю
обратно в тяжелое кресло

Я из тех, кто спрашивает: «А не придется по вкусу

быть меланхоличным?»

На время, равное одному походу в бар,
легкая меланхолия пригелась у меня на груди.
Мысли мои суть краткая прогулка сквозь мимолетные
урбанистические ландшафты на стенах

Так ты говоришь, гешефты? – Я говорю, дела таковы, что
вследствие апокалипсиса мертвая моя голова, сжав в руке
невредимое зеркало, вопрошает: «Я это ад или рай или всего
лишь определенно скептический череп в очаге новейшей истории?
Может быть? Я, последний череп?»

Ты спрашиваешь, как идут? – Ты заявляешь, что ты
интересующаяся
собственным разумом вакцина
а вера замок воздушный, чьих стен тебе никак не
втянуть в свои легкие
ты говоришь твердо, но смутно и мимо меня
ты легла, ты спишь, я слежу за тобой
ты говоришь, мол, воля это лошадка с норовом,
опрелый язычок лаврового листа

Ты сидишь на краю постели
глотаешь воду
минуешь двери, идешь вверх по лестнице
ты стоишь на крыше, я вижу ты
берешь себе стул, рукой
подпираешь голову, взгляд –

между небом и землей – ничего не случается
твои глаза столь ясны – я знаю подземный яд

В неадекватных глазах павлина

В неадекватных глазах павлина
качаются розового и голубого
цвета мопсы
утомленные пенной ванной
задник образует многоцветная
 клумба орхидей
с нее стартуют пастельные
мотыльки, струясь, стремятся
непрестанно
единым роем сквозь сад за решетчатой высокой
 оградой

На коврах с вышитыми ратными мотивами
по английскому газону
разложены блеклые дамы, что
пудрятя, целуя друг другу тонкую
кожицу на висках
ароматные лепестки непрестанно заплывают под
 их белые юбки
впадая в общее одушевленное роение

На самом краю пруда, под плакучей ивой
подставил
свое брюшко солнцу
дельфин
из его дыхала льет яркий
свет, и прямо на птицу
чьих перьев уже достиг
жаркий дельфиний запах – оглушает
//

Дамы, заткнув бутылки с пивом
охлаждают фарфоровые лбы – а при этом
в пруд уже осыпаются лучащиеся
мотыльки
выдохшиеся, увы
лепестки падают –
их рой заметно редет

В холодильнике отдыхает пара пива
в неослабевающих объятиях.
Дамы берут себя
в руки, павлин поворачивается
к ним задом –
мопсы: минимизируют свое дыхание.

Похоже, режиссура захлебывается.

Ex oriente lux

В зимнем саду, в кимоно
возникаю из тапочек своих домашних.
Солнце тепло отдает:
Утренние слезы орбиты глаз покидают кометами

На небо из моего пупа поднимается луна
ее пыль это звезды, ими обездвижен космос
ночь: все больше пыла в Большой Медведице
Большая Медведица это знак, и она судьбоносна

Исход моего сна возвращает назад пустоту
в ней сухо взрывается неясная тоска. –
свет приходит с востока значит Ex oriente lux
значит, блеск тоже может прийти с востока

Сижу, согнувшись в плетеном кресле, одной рукой
поддерживаю лоб, любимую чашку держу другой
в ней порошок в ожидании – я тоже жду вместе с ним
того, что на моих бессонных глазах сотворит мне кофе

Мигают откуда-то издали

Она пудрит старческую кожу
и затеняет молочные усики
он советует старикам бастовать на скамейках
детям устраивать сквоты

Мигают откуда-то издали ей и ему
дружественными цветами
одна серая звезда и одна красная

Оба стоят и смотрят
на небо, она гасит свою последнюю сигарету:
вот они расправляют
крылья и взлетают

Следующим утром:

По скамейкам в парке
растерты сухие крошки хлеба.
В только что занятых домах
стоя босиком на кухнях сквоттеры
грациозно имитируют жесты вчерашней пары.

Я, листок

Вот я появляюсь на ветке
я расту, пока –
не поплыву по воздуху...

несомый ветром
таково мое первое и последнее чувство
свободного падения во –

Я, листок.

Гнило и сыро
но я не устаю взывать к милосердию естественного
распада, распевая:
«По возвращению на ветку свою тоскую, где
вылупился из почки, чтобы пойти по миру»

Я, листок.

Ни одна книга не раскроется

В окне во двор
встает женщина, облакачивается
о подоконник, наблюдая
послеобеденное тепло –
она вытирает пот со лба влажной тканью
во дворе всё чередом:
сосед вычищает свой гриль

Из гнезда на березе выглянет сорока
и спрячется, его часы
тикают, мужчина оглаживает обивку
комический мим, в кресле

В другой комнате
подушка крупно, рот открывается
между рядами зубов тянется длинная нитка слюны
затем обрыв

Он перелистывает страницу, до пятницы
будет пасмурно.
Она протянула руку
и его плечо напряглось.

В другой комнате
сквозь прутья кровати выпал плюшевый зайка. – О, там
ни одного спящего ребенка.
Это просто заяц, он бдит.

Стенной шкаф клацает, он и она отражаются в
окне. – О, там нет ни одной смущенно молчащей пары.
Во дворе стоит сосед, он стучит
гриль, гонг, Господи: он взывает.

Мужчина ловит запястье женщины у
себя на затылке, тянет ее за руку
листает страницы
ни одного похожего окна

Вступает женщина, хлопывает, оглаживает шею
царапает кожу. Кожа, ни одна книга не раскроется.
Следует вот что: она вынимает свой искусственный глаз
вставляет его мужчине в раскрытый череп.
Он раздирает пальцами обивку. – О, не для красного словца
он скрипит зубами
Перелистывает страницы, погодный

фронт без перемен, послеобеденное тепло за окном

Поджатыми губами она сухо

чмокает его в лоб.

Стенной шкаф клацает, однако фарфор

воздерживается

На искусственном глазу возникает нарыв

вот-вот он лопнет.

В данной связи позади мужчины:

кошка крадучись покидает сцену

Моя любимая песня

Твой нос
подробная стеклянная обезьянка
твои губы
с высоты птичьего полета: ожившая роза плывет
над раскаленным асфальтом
твои губы... нет, я не могу остаться

Твоя рука
властный взмах по направлению киоска через дорогу,
я покупаю тебе газету
шампанское моего пупка
мы слегка остудим

Твоя спина
изогнутая титановая лестница
я объят твоим хребтом, твой хребет это
бархатный панцирь, в то же время
пантера

Твои ноги
я иду рядом и –

Твои лопатки
бабочки из пыльцы и пыли
несравненные твои лопатки, ключицы –
знатный паланкин моих сонных дней

Я проникаю в твою ушную раковину и
шпионю: глазок в строении твоей головы
твое ухо
провал шептательных изысканий
а также последнее хранилище моих болей: о!

Твои виски
земля мне пухом, в то время как я
седалищу твоему назначен сиденьем

Твой подбородок коснулся локтя
поэтому, полагаю, он стал фарфоровым, этот мой
локоть
смотри-ка, он расписан синими орхидеями
синие орхидеи, что
тебе в поклоне доставляю к постели
с кувшином jus d'orange на подносе.
твой затылок: я наливаю – кто проснулся?

Твой шрам
ошеломляющий браслет к оперной премьере
лишенный горечи –
к волосам взмываю, в твоих волосах
травы, ветер и капелька канители

Словно ночь в лесу, она не уходит
пленительность перста твоего, указующая:
этот просвет
твои груди
да святится место сие, вояж в безумие –

Я раскрываю зонт
держи наготове ноги
сейчас пойдет снег – гляди!

Я слагаю голову к твоему животу
твой пупок внезапно имитирует раковину
тихо, он шумит – и я слышу, это песнь голубого кита
о нежности мизинца твоей ноги
он поет о долгом странствии к коралловым рифам чаш
твоих коленей –

Я очнулся на кончике пальца
смущенно целую его и спускаюсь
в долину твоих ладоней
и следую световой колеей
над головой у меня
мигают звезды твоих зубов:
шлю твоему стоматологу крокодильчика из малахита

Твое лоно
зависло над облитыми бисером телами и головами –
никаких вентиляторов, виток за витком
нас скручивает винил
мягкое мороженое
для ягодиц – ау, ягодицы – как температура?

Втиснутые в соул, мы лежим
клубничинами в сахаре
спят нетрудоспособные мотыльки в наших животах

Призыв твой
это звук, тот самый, это запах твой
тот самый, это не строка
это сбой дыхания
это строфа недописанная, это чистейшее подсознание
это нектар, тот самый

это нектар богов, мой последний глоток, нектар –
//

Вдыхаю тебя, ты дышишь мной, мы дышим. –

Беру внимательно твою голову в руки
глаза твои... я молюсь за нас –

Вокруг твоей шеи обвился
и жду, пока не... даже не знаю –
сведется ли мир к одной точке?

Лишь ты направляешь меня.

Стакан воды, на, прими от меня, хотя бы я
и закрывал
твои веки

Любимая, что делать нам?

Высокие слова для природы

Я в постели
лежу под открытым люком
среди одеял, тело

Я на опушке
лежу под пером и пухом
под светлой древесной кроной, тело

Дождь остужает мне жаркие щеки
а я *against the rain*
твержу, сложив руки:
Что ты такое, природа?
Чем ты была? Чем стала? –
Вытянув руки, подавленно
я спрашиваю, так где же ты

Коснулся этого мира

Лаванда, шалфей, как всегда

Я не ношу твое имя камнем на шее. Имя твое
все равно ударяет
мне точно в голову
имя твое
все равно реет
над моей головой
все равно. Твое имя
пало на голову, в голову мне.

Твое имя гусеница, не вылезаящая из отравленного
ею яблока. –
Вижу тебя, вообрази-ка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.